

Т. П. Федянович

МОРДОВСКИЕ НАРОДНЫЕ ОБРЯДЫ, СВЯЗАННЫЕ С РОЖДЕНИЕМ РЕБЕНКА

(КОНЕЦ XIX — 70-е ГОДЫ XX в.)

Из семейных обрядов мордвы наименее изучены обряды, связанные с рождением ребенка. Сведения о них разбросаны в отдельных статьях, которые помещались в различных периодических изданиях¹.

Немногочисленные, но интересные данные о родильных обрядах мордвы конца XIX — начала XX в. имеются в фонде М. Е. Евсевьева, хранящемся в Центральном Государственном архиве Мордовской АССР (далее ЦГА Мордовской АССР). Причем, здесь сохранились записи обрядов, многие из которых в настоящее время уже забыты.

Некоторые материалы о родильной обрядности есть в архиве Русского географического общества. Автором настоящей статьи был собран полевой материал по этой теме в Мордовской АССР и за ее пределами во время экспедиционных поездок 1966—1971 гг. Все эти данные позволяют составить представление о мордовских народных обрядах конца XIX — начала XX в., связанных с рождением ребенка, и проследить их изменение до настоящего времени.

В статье используются и некоторые материалы Мордовской этносоциологической экспедиции 1973—1974 гг., которая работала под руководством В. В. Пименова²; автор настоящей статьи принимала участие в сборе и обработке материала. Эти материалы позволяют выявить, насколько сохранились в памяти мордовского народа традиционные родильные обряды и каково отношение к ним у жителей города, села, творческой интеллигенции.

¹ И. И. Лепехин. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского гос-ва в 1768 и 1769 гг., ч. 1, СПб., 1795; П. И. Мельников. Очерки мордвы.— «Русский вестник», 1867, № 5—6; Ф. С. Голицын. Мордва в Хвалынском уезде.— «Саратовский сборник», Саратов, 1881, т. 1; В. Н. Майнов. Очерк юридического быта мордвы. СПб., 1885; А. Постников. Верования и культ мордвы (эрзи) с. Сабанчеева Алатырского уезда Симбирской губ.— «Известия об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском университете», т. XI, вып. 4, Казань, 1893; Ф. Бутузов. Из быта мордвы села Живайкина Жадовской волости Карсунского уезда Симбирской губ.— «Известия об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском университете», т. XI, вып. 5, Казань, 1893; И. Н. Смирнов. Мордва. Казань, 1895; А. А. Шахматов. Мордовский этнографический сборник. СПб., 1910; Т. П. Федянович. Изучение семейных обрядов мордвы.— «Итоги полевых работ Института этнографии в 1970 году», М., 1971, с. 145—146; *её же*. Семейные обряды мордвы Темниковского и Теньгушевского районов Мордовской АССР.— «Итоги полевых работ Института этнографии в 1971 году», М., 1972, с. 190; *её же*. Традиционные семейные обряды мордвы. Автореферат канд. дисс., М., 1974, с. 15—19.

² Во время экспедиции было опрошено 3400 информаторов мордовской национальности (по 1600 в селах и городах, а также 200 представителей творческой интеллигенции, проживающих в городе Саранске).

Родильные обряды мордвы формировались и развивались под влиянием условий жизни и религиозных воззрений мордовского народа. Крестьянская семья не мыслилась без детей — будущих помощников и работников. Мордовские крестьянские семьи обычно были многодетными. Бездетность у мордвы, как и у других народов, считалась несчастьем и даже позором. Поэтому уже в свадебных обрядах содержались моменты, отражающие заботу о том, чтобы молодые не остались бездетными. Обеспечить деторождение были призваны такие магические приемы, как сажание молодым на колени ребенка в доме родителей молодого, обсыпание их хмелем. В некоторых местах, обсыпая молодых хмелем, приговаривали: «Сколько в поле хмелинок, столько в доме детинок!»³.

Многие родильные обряды мордвы связаны с общей системой поверий и религиозных представлений, которые сложились у мордовского народа в дохристианский период. Позднее эти представления претерпели некоторые изменения под влиянием христианства, насаждавшегося среди мордвы с XVI в. Синкретизм религиозных представлений отразился и в некоторых мордовских родильных обрядах. Как фантастическое отражение реальной действительности возникли представления о покровителях и покровительницах животворных сил природы⁴. Покровительницам воды (*ведь-аве*) и леса (*вирь-аве*)⁵, наряду с другими функциями, приписывали способность влиять на урожай и деторождение. Во время молений ведь-аве просили послать дождь, дать хлебу рост, а людям детей. Женщины, у которых не было детей, ходили на речку молиться ведь-аве, принося ей жертвы (это могли быть живой петух, яйцо, лепешки и др.)⁶. Иногда в этом им помогали и ворожеи. В полночь так, чтобы никто не видел, ворожея шла вместе с бездетной женщиной к реке и зарывала на берегу специально сделанные куклу и лепешки, а также кольцо⁷. Бесплодные женщины приносили жертвы и покровительнице леса — *вирь-аве*⁸. До начала XX в. у мордвы сохранился обычай устраивать моления под «священными» деревьями, к которым приходили и в тех случаях, если в семье умирали дети; бездетные женщины приносили сюда лепешки, блины, яйца и т. д.⁹. Для мордвы было характерно особое почитание предков. Одним из проявлений этого культа можно считать обращение к ним за помощью в случае бесплодия, также сопровождавшееся жертвоприношением. Эти обряды были связаны с дохристианскими религиозными представлениями мордвы.

В случае бесплодия обращались и к повитухам, которые пользовались у мордвов большим уважением. Повитуха тайно брала послед у роженицы и незаметно добавляла его к какому-нибудь кушанью, предлагавшемуся бездетной женщине. По представлениям мордвы, после этого бесплодная женщина должна была зачать, а та, у которой взят послед, перестать рожать. К повитухе обращались и тогда, когда хотели прекратить деторождение. Для этого, якобы, достаточно было зарыть особым образом (по данным М. Е. Евсевьева — «вниз лицом») детскую рубашку¹⁰.

Женщины-мордовки работали до самых родов. Поэтому нередко были выкидыши. Для предупреждения их использовали нитки, которые не вмещались в берда, оставались лишними. Если женщине грозил выкидыш, она перевязывала живот нитками и не снимала их до самых родов.

³ Архив Всесоюзного Геогр. об-ва (далее АВГО), р. 53, оп. 1, № 28, с. 144.

⁴ Н. Ф. Мокшин. Религиозные верования мордвы. Саранск, 1968, с. 15.

⁵ Ведь — вода, вирь — лес, ава — женщина, мать.

⁶ АВГО, р. 53, оп. 1, № 28, с. 97; И. Н. Смирнов. Указ. раб., с. 247—248; ЦГА Мордовской АССР, р. 267, оп. 1, арх. № 24, № 67.

⁷ ЦГА Мордовской АССР, р. 267, оп. 1, арх. № 24, № 67.

⁸ Ф. Бутузов. Указ. раб., с. 486—487.

⁹ Этот обычай был отмечен М. Е. Евсевьевым у мордвы-мокши с. Валгапино. — ЦГА Мордовской АССР, р. 267, оп. 1, арх. № 20, л. 9, 10; арх. № 24, № 68.

¹⁰ ЦГА Мордовской АССР, р. 267, оп. 1, арх. № 25, лл. 67, 68.

Во время беременности соблюдались некоторые запреты. Нельзя было пинать собаку, иначе ребенок родится израненным, класть за пазуху яйца (ребенок будет золотушным), семечки (будет болеть корью), орехи (шишки будут)¹¹.

Нужно отметить, что у мордвы, как и других народов, рождение мальчика считалось более предпочтительным. О том, кто родится у молодых первым, гадали на второй день свадьбы. Для этого подбрасывали вверх кусок хлеба. Если он падал коркой кверху, то должен был родиться мальчик, если мякишем — девочка¹².

Роды у мордвы, так же как у русских и у других народов Поволжья, проходили, как правило, с помощью повитух (*идень баба, баушка*), «где придется» — в доме, во дворе, а то и в поле, но чаще всего — в бане. Распространено было «очищение» новорожденного и роженицы с помощью воды. У мордвы, как и у русских, их парили в бане. Это в какой-то мере было связано и с гигиеническими навыками обоих народов. Общим для них был и обычай зарывать пуповину и детское место (предварительно вымытые повитухой, завернутые в чистую тряпку и положенные в лапоть) в подполье. Вероятно, это делалось для того, чтобы послед никто не мог использовать во вред роженице, о чем мы писали выше. Для облегчения родов повитуха развязывала все узлы на одежде роженицы, вынимала из ее ушей серьги, распускала волосы. Аналогичные представления о магической силе узлов и их особой роли в ответственные моменты жизни (роды, свадьба, смерть) существовали у разных народов земного шара¹³. В случае трудных родов прибегали к различным приемам, в которых отразился синкретизм религиозных представлений мордвы: зажигали венчалные свечи, заставляли мужа трижды перешагнуть через родильницу¹⁴.

Сразу же после рождения ребенка, по данным И. Н. Смирнова, устраивалось моление *бань-азыр-аве* (хозяйке — покровительнице бани) и ведь-аве¹⁵.

По другим сведениям, после наречения младенцу имени, которое происходило при полном сборе близкой родни и знакомых, приходящих с хлебом и солью, хозяин или хозяйка дома брали специально испеченный хлеб, называвшийся «бабьим», и произносили молитву о здоровье и счастье новорожденного. Потом этот хлеб разрезали на ломти и раздавали всем присутствующим¹⁶. Иногда от хлеба отрезали горбушку и давали всем отщипнуть от нее.

До закрепления у мордвы христианского обычая крещения имя младенцу давала повитуха¹⁷. Большое значение придавалось выбору «счастливого» имени. Часто ребенка нарекали по имени первого человека или по названию предмета или существа, первыми попавшимися его отцу. В основе такого выбора «счастливого» имени лежала вера в то, что поскольку они существуют, здравствуют, то и ребенок будет здоровым

¹¹ Там же, р. 267, оп. 1, арх. № 41, лл. 75—84. Запрет класть за пазуху яйца, орехи, семечки близок по смыслу к имитативной магии: предполагалось, что ребенку могут принести вред предметы и действия, запрещенные беременной женщине. Собаку нельзя было бить, очевидно, потому, что, по представлениям ряда народов, между животными и людьми существует симпатическая связь. См. Д. Фрезер. Золотая ветвь, вып. IV. М., 1928 с. 209—210; Е. А. Алексеевко. Кеты. Историко-этнографические очерки. Л., 1967, с. 72.

¹² Полевые записи автора 1966 г.— Архив Ин-та этнографии АН СССР (далее — Архив ИЭ АН СССР), ф. 14, д. 17.

¹³ Д. Фрезер. Указ. раб., вып. II, с. 83, 86.

¹⁴ ЦГА Мордовской АССР, р. 267, оп. 1, арх. № 144, л. 17.

¹⁵ И. Н. Смирнов. Указ. раб., с. 250.

¹⁶ В. Ауновский. Этнографический очерк мордвы-мошки.— «Памятная книжка Симбирской губернии на 1869 год». Симбирск, 1869, с. 92.

¹⁷ Подробнее об этом см.: Т. П. Федянович. Обряды при наречении имени у мордвы.— «Ономастика Поволжья», № 4, Саранск, 1976, с. 42.

и счастливым¹⁸. П. И. Мельников отмечал, что у некрещеной мордвы до середины XIX в. бытовал старинный обычай давать новорожденным имена птиц¹⁹. Воспоминания о дохристианских обычаях наречения имени сохранялись у мордвы до недавнего времени²⁰. Однако в конце XIX — начале XX в. языческие мордовские имена были вытеснены христианскими, которые давались во время крещения.

Основы прежних языческих имен мордвы в это время прослеживались лишь в отдельных мордовских фамилиях, произведенных от них, или в «уличных прозвищах», существовавших в отдельных местах. Отголоском древнего обряда наречения имени ребенку можно считать обычай, зарегистрированный у мордвы-мокши Инсарского уезда Пензенской губернии в семьях, где умирали дети. Там после рождения ребенка отец выходил на улицу и имя первого встретившегося ему человека давал ребенку²¹. Вероятно, этот обычай можно рассматривать как пережиток обряда наречения имени, существовавшего у мордвы до распространения христианства (поиски «счастливого» имени). А возможно, это было обманывающее (экзопатическое) магическое действие с целью ввести в заблуждение нечистую силу, чтобы она приняла ребенка за человека, именем которого его назвали. В таком случае она не могла бы нанести ему вред.

Роженица с ребенком оставалась в бане 3—7 дней. В это время ее навещали родственники, приносящие с собой различные гостинцы: яйца, рыбу, мясо. Это посещение роженицы в разных местах называлось по-разному — *кашань кандома*, *ямань кандома* (приходить с кашей); *содафтома*, *варжама* (навещать); *салма* (лапша, т. е. приходит с лапшой). Со временем эти названия были вытеснены калькой с русского — *зубкань кандома* (приходить на зубок). В обычае навещать роженицу и ребенка проявилась прочность родовенных связей.

В конце XIX — начале XX в. у мордвы придавалось большое значение обряду крещения. Крестили ребенка на 2-й — 3-й день после рождения, а слабых детей — в день рождения. Считалось, что в первые дни своей жизни он особенно подвержен вредоносным влияниям. Иногда до крещения скрывался даже пол ребенка, что, по поверьям, предохраняло его от преждевременной смерти²². В крестные родители обычно приглашались родственники или соседи. Беременные женщины не могли быть крестными матерями во избежание смерти собственного ребенка в раннем возрасте²³. В случае, если дети в семье умирали, у мордвы-мокши приглашали в крестные первых встречных²⁴. У русских существовало поверье,

¹⁸ В. Н. Майнов. Очерк юридического быта мордвы. СПб., 1885, с. 12—13; см. также: Ф. С. Голицын. Указ. раб., с. 184. Подобный обычай существовал и у обских угров; см. З. П. Соколова. Наследственные или предковые имена у обских угров и связанные с ними обычаи. — «Сов. этнография», 1975, № 5, с. 42.

¹⁹ П. И. Мельников. Указ. раб., с. 495.

²⁰ Полевые записи автора 1959 г. — Архив Ин-та этнографии АН СССР, ф. 1, д. 14. Интересно отметить, что у удмуртов, марийцев, башкир также существовал обычай давать ребенку имя человека, встретившегося первым его отцу или повитухе. У марийцев ребенок часто получал имя первого, кто входил после его рождения в избу; см.: К. И. Козлова. Этнография народов Поволжья. М., 1964, с. 127, 128; Л. С. Христолюбова. Семейные обряды удмуртов (опыт количественной характеристики). М., 1970. (Канд. дисс.); с. 114.

²¹ В. Н. Майнов. Указ. раб., с. 11—12; А. Постников. Указ. раб., с. 381—385.

²² АВГО, р. 28, оп. 1.

²³ АВГО, р. 28, оп. 1, № 10, с. 1—10, 1856; В. Степанов. Сведения о родильных и крестинных обрядах в Клинском уезде Московской губ. — «Этнографическое обозрение». М., 1907, кн. XX—XXI, с. 233, 234; Н. Ф. Сумцов. О славянских народных воззрениях на новорожденного ребенка. — «Журнал министерства народного просвещения». СПб., 1880, ноябрь.

²⁴ АВГО, р. 28, оп. 1, № 10, с. 1—10, 1856. Этот обычай был известен и русским; см. Д. К. Зеленин. Описание рукописей ученого архива РГО. Пг., 1914, вып. 1, с. 134—137; Н. Ф. Сумцов. Указ. раб.; Д. И. Успенский. Родины и крестины, уход за родильницей и новорожденным. (По материалам, собранным в Тульском, Веневском и Каширском уездах Тульской губ.). — «Этнографическое обозрение». М., 1895, № 4, с. 74.

что если на крестинах присутствует беременная женщина, то жизнь ребенка будет тяжелой. Поэтому беременные женщины не крестили детей и не присутствовали на крестинах. У украинцев также не приглашали в крестные матери беременных, так как считалось, что умрет или ее будущий ребенок, или крестник. После крещения в доме родителей новорожденного устраивалось моление. Старшая в семье женщина ставила на стол хлеб и соль, ведро пива, горшок каши и зажигала свечу перед иконами. Повивальная бабка обращалась с молитвой вначале к Иисусу Христу, а затем к «кормильцу Пасу» (дохристианское божество мордвы — Т. Ф.), прося у них счастья для новорожденного (столько счастья, сколько в каше крупы и соли). После троекратного повторения молитвы она съела немного каши, а бабушка новорожденного выпивала пива. Затем все присутствующие угощались кашей и пивом. На этот праздник приглашали всех родственников, каждый из которых приносил с собой хлеб, ведро пива, горшок каши и плоску масла. Над каждой принесенной кашей повитуха трижды читала молитву²⁵.

В некоторых местах во время обеда по поводу крещения ребенка кум и кума брали ложку с кашей, наливали туда же браги и вина, приправляли эту смесь перцем и подносили отцу новорожденного, говоря: «На ешь! Как жене было горько родить ребенка, так и ты отведай горечи». В конце обеда кум и кума выражали новорожденному пожелание дорасти до той высоты, на какую они поднимали пирог и блюдо с кашей²⁶. После обеда роженица подносила подарки свекру, свекрови, куму, куме, а также другим родственникам мужа²⁷. Она кланялась каждому из гостей и вместе с подарком — куском холста, колечком, кушаком и т. п. — клала в горшочек, в котором гость принес кашу, по ломтику хлеба с пожеланием родить сыновей. По сведениям В. Н. Майнова, в случае рождения мальчика роженица дарили «на соху», а девочки — «на прялку», бабушке дарили за «пуп»²⁸. Обед по поводу рождения ребенка и его крещения в ряде мест устраивался только после рождения первенца. Тогда же роженица делала подарки всем родственникам мужа. При рождении 2-го и следующих детей она одаривала только свекра, свекровь и близкую родню мужа²⁹.

В конце XIX в., когда медицинское обслуживание в мордовских селах почти отсутствовало, многие дети умирали в раннем возрасте. Так, например, в 1898—1900 гг. в селе Журавкино теперешнего Зубово-Полянского района Мордовской АССР с населением 3105 человек из 100 родившихся умерло детей: до одного года 49,9%, от одного года до 15 лет — 30,8%; в волостном селе Ачадово этого же района соответственно — 74% и 50%³⁰. Показательно, что сложились даже приметы, по которым определяли, долго ли будет жить ребенок. Если он подбирал под себя ноги, когда его поднимали — долго жить будет, если вытягивал — скоро умрет. Если ребенок был умен не по летам, считалось, что он недолго проживет³¹.

Жизнь детей пытались сохранить с помощью различных обрядов. Так, обращались к знахаркам, приносили дары (пшеницу, ячмень, просо)

²⁵ ЦГА Мордовской АССР, р. 267, оп. 1, арх. № 74, 1885.

²⁶ Ф. С. Голицын. Указ. раб., с. 185. Этот обряд был известен и русским. Некоторые исследователи считали его близким к куваде. См.: Д. К. Зеленин. Указ. раб., с. 570; Н. Ф. Симюв. Указ. раб., с. 76—77.

²⁷ АВГО, р. 28, оп. 1, № 10, с. 1—10, 1856, р. 28, оп. 1, № 26; Ф. С. Голицын. Указ. раб., с. 185.

²⁸ Первые штаны мальчику обычно дарил дед, а девочке первую рубашку по достижении половой зрелости дарила бабушка; см. В. Н. Майнов. Указ. раб., с. 202.

²⁹ Полевые записи автора.— Архив ИЭ АН СССР, ф. 14, д. 15.

³⁰ «Краткий очерк заболеваемости и смертности населения Тамбовской губ. за трехлетие 1898—1900 гг.», Тамбов, 1904, приложение № 3, с. 16, 19.

³¹ ЦГА Мордовской АССР, р. 267, оп. 1, арх. № 44, л. 19.

вирь-аве, бань-аве (покровительнице бани)³². У мордовы-эрзи Нижегородской губернии ребенку, чтобы он остался жив, давали имя отца или матери. Существовало поверье, согласно которому для предотвращения смерти ребенка следовало в течение одного дня напясть нитки, выкатать из них холст и шить рубашку ребенку³³.

В качестве оберега от нечистой силы использовались зола, ножницы, которыми повитуха отрезала пуповину, веник, которым парили новорожденного, нож. Золой посыпали подоконники и порог, пока ребенку не исполнится 6 недель. Мать, укладывая ребенка в люльку, трижды крестила его ножом, а затем убирала нож под подушку³⁴. Иногда под голову новорожденного клали ножницы или обводили ими вокруг него³⁵. Веник лежал возле ребенка в течение 3-х дней после рождения. В некоторых местах прежде чем уложить ребенка в люльку, его окуривали ладаном, а до распространения христианства — мусором, который оставался на берегах после половодья. В люльку под изголовье повивальная бабка клала несколько печеных яиц. Положив в нее ребенка и покачав его, повитуха брала яйцо себе. Потом то же сделала родная бабушка, а за ней и все домашние³⁶. Иногда в люльку клали пресные лепешки (*сюкоро*). Возможно, смысл этого обряда — в пожелании новорожденному обеспеченной жизни. В трансформированном виде подобный обряд был еще в 1950-е гг., только вместо яиц и лепешек в люльку клали семена подсолнуха, конфеты, а качали ее девочки³⁷.

В лечении больного ребенка также отразились былые религиозные представления мордвы. Существовал обычай протаскивать больного ребенка через срубленное дерево или между двумя близко стоящими деревьями. Вот как описывается этот способ «лечения» в «Мордовском этнографическом сборнике»: «Если ребенок сильно плачет и долго болеет, его возьмут в лес: там расколют дерево (если мальчик, расколют дуб; если девочка, расколют березу). Раскалывают дерево на корню следующим образом: колют середину дерева, а верхушка дерева вместе с корнем остаются целы, и протаскают ребенка через дерево. Протаскивая ребенка, говорят: „Святое дерево, белая береза (если ребенок девочка) или, святое дерево, зеленый дуб (если ребенок мальчик), возьми от раба (имя рек) его плач, дай здоровья. За то, что ты дашь здоровье, за взятие болезни, одень на раба (имя рек) его платье, обуь его обувь; с головы его шапку, с него рубашку, с туловища его пояс, пеленки и рубашку”. После этого развешат на дереве шапку, рубашку, пояс и рюцу (рубашку — Т. Ф.) больного ребенка и уходят»³⁸. Матери приносили больных детей и в овин, прося покровительницу овины — *овын-аву* — взять их хворь³⁹. Иногда больного ребенка «продавали» прохожему или подавали в окошко нищему, который затем вносил его в дом через дверь. За это

³² А. Постников. Указ. раб., с. 384; А. А. Шахматов. Указ. раб., с. 170—171.

³³ Полевые записи автора 1967 г.— Архив ИЭ АН СССР, ф. 1, д. 106.

³⁴ ЦГА Мордовской АССР, ф. р. 267, оп. 1, арх. № 39, № 41; Ф. С. Голицын. Указ. раб., с. 185.

³⁵ Использование острых металлических предметов в качестве оберега, в частности, роженицы и ребенка, известно другим народам. См.: Е. А. Алексеенко. Указ. раб., с. 75; Р. Г. Мухамедова. Татары мишари, М., 1972, с. 222; Г. П. Снесарев. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма, М., 1969, с. 39; Д. Фрезер. Указ. раб., вып. II, с. 69; В. Н. Харузина. Несколько слов о родильных и крестинных обрядах и об уходе за детьми в Пудожском у. Олонецкой губ.— «Этнографическое обозрение», 1906, кн. LXVIII—LXIX, с. 91; Л. С. Христолюбова. Указ. раб., с. 118.

³⁶ АВГО, р. 28, оп. 1, № 26.

³⁷ Е. И. Динес. Традиционная пища и домашняя утварь мордвы.— «Исследования по материальной культуре мордовского народа», М., 1963, с. 123.

³⁸ А. А. Шахматов. Указ. раб., с. 158; Д. Фрезер, описывая примеры подобного «лечения» детей у разных народов, в том числе европейских, выводит его из представлений о симпатической связи между растением и человеком; см. Д. Фрезер. Указ. раб. в. IV, с. 207.

³⁹ А. Постников. Указ. раб., с. 381—385.

мать давала ему кусок холста или деньги⁴⁰. Такая мнимая «продажа» детей практиковалась и в том случае, если дети были слабые или плохо росли. Это, якобы, вводило в заблуждение нечистую силу, которая лишалась возможности нанести вред ребенку. Обращались родители больного ребенка и к знахаркам; они сбрызгивали ребенка водой, которой были обмыты образа, или окуривали его дымом от горящих на шестке лучинок. Иногда «лечили» и таким образом: на родильницу надевали рубашку, в которой она недавно родила, и в ворот трижды просовывали большого ребенка, принимая его как при рождении⁴¹.

Итак, в конце XIX в. в родильных обрядах мордвы сохранялись многие традиционные черты. Среди них нетрудно выделить обряды, обычаи и представления, широко распространенные у ряда народов, в том числе и ближайших соседей мордвы. Эта общность является результатом давних культурных взаимодействий. Большую роль сыграло сходство социально-экономических условий жизни, длительное соседство народов Поволжья и русского народа. Похожие родильные обряды могли возникнуть и самостоятельно как реакция на подобную ситуацию. Единой основой создания родильных обрядов служили радость по поводу рождения нового человека, загадочность его появления на свет, связанные с родами опасности и стремление избежать их. Специфическими для мордовского народа были родильные обычаи и обряды, связанные с дохристианскими религиозными представлениями.

Родильные обряды были одинаковыми у обеих групп мордовского народа — мордвы-мокши и мордвы-эрзи. Некоторые отличия могут быть отмечены лишь в деталях.

На рубеже XIX—XX в. с упрочением позиций христианства и изживанием дохристианских верований происходит изменение, упрощение некоторых родильных обрядов мордвы. Утрачивается их содержание, часто сохраняется лишь форма обряда. Постепенно исчезают четкие представления о покровительницах сил природы и деторождения — ведь-аве, вирь-аве, бань-аве и других, хотя в отдельных местах они сохранялись до 1920-х гг.⁴² Обряды, связанные с этими духами, бытовали в измененной форме. Если у женщины не рождались дети, она вместе с повитухой обходила 12 бань, собирая камни в каждой из них. Потом эти камни нагревали, клали в воду, и бабушка-повитуха обливала нагретой камнями водой бесплодную женщину⁴³. Кроме того, такой женщине давали пить воду или обливали ее водой, над которой предварительно ворожили⁴⁴. В подобных обрядах прослеживаются следы давних представлений о бань-аве и ведь-аве, но четкой связи с ними уже нет. Широко была распространена вера в «дурной глаз», ведунов, колдунов. Поэтому женщины-мордовки старались скрывать беременность — «от сглаза»⁴⁵. Сохранение многих традиционных обрядов и магических приемов, связанных с родами, лечением и воспитанием детей, было обусловлено низким культурным уровнем и почти полным отсутствием квалифицированной медицинской помощи в мордовской деревне.

---

⁴⁰ ЦГА Мордовской АССР, р. 267, оп. 1, арх. № 44, л. 19. Мнимая продажа детей была распространена у всех народов Среднего Поволжья и Приуралья и в некоторых местах у русских; см.: Р. Г. Мухамедова. Указ. раб., с. 220—222; Н. Ф. Сумцов. Указ. раб., с. 69.

⁴¹ «Материалы Восточно-финской экспедиции 1925 г.» — «Рукописный фонд Морд. научно-иссл. ин-та языка, литературы, истории и экономики», ф. 11, № 617; Ф. С. Голицын. Указ. раб., с. с. 184; В. Ауновский. Указ. раб., с. 99.

⁴² См., напр., С. Преображенский. Культ ведь-авы у мордвы-мокши. — «Антирелигиозник». М., 1930, № 8—9, с. 78—80.

⁴³ Полевые записи автора 1966 г. — Архив ИЭ АН СССР, ф. 14, д. 17.

⁴⁴ Полевые записи автора 1968 г. — Архив ИЭ АН СССР, ф. 14, д. 13.

⁴⁵ Полевые записи автора 1966 г., 1967 г. — Архив ИЭ АН СССР, ф. 14, д. 17; ф. 1, д. 106.

После Великой Октябрьской социалистической революции родильные обряды мордвы стали изменяться быстрее. Эти изменения определялись теми огромными социальными и культурными преобразованиями, которые происходили в стране. Коренным образом улучшилось медицинское обслуживание мордвы. В Мордовии, как и повсюду, строились новые больницы, поликлиники, санитарно-профилактические учреждения. Их число из года в год увеличивалось. Уже в 1920 г. на территории Мордовии было 62 медицинских учреждения (из них 26 больниц), а в 1930 г. их стало 112 (в том числе 30 больниц). Значительно выросло число медицинских учреждений в послевоенные годы. Если в 1945 г. на территории Мордовии было 880 больниц и амбулаторно-поликлинических учреждений, то в 1958 г. их стало 999⁴⁶. В связи с этим значительно улучшилась работа по охране материнства и детства.

В 1920-е — 1930-е гг. сеть медицинских учреждений в мордовском селе была недостаточной. Кроме того, население в это время еще с недоверием относилось к медицинскому персоналу. Поэтому кое-где в то время женщины в мордовских селах рожали дома с помощью бабушек-повитух. Постепенно их стали заменять акушерки, зачастую также принимавшие роды дома.

В 1950—1960-е гг. медицинские пункты были созданы почти во всех мордовских селах; при многих из них были открыты родильные отделения. Акушерки, работающие в этих медицинских пунктах, проводят большую разъяснительную и профилактическую работу с беременными женщинами, а новорожденные находятся под постоянным наблюдением патронажных сестер. Все это способствовало исчезновению многих обрядов, связанных с родами. Теперь при трудных родах роженицу под наблюдением акушерки отправляют в ближайшую больницу. Резко снизилась детская смертность. Лечение детей занимают не ворожеи, а квалифицированные медицинские работники. Однако некоторые традиционные родильные обряды, хотя и в трансформированном виде, сохраняются до настоящего времени. Это, в основном, обряды, связанные с народными гигиеническими навыками или с родственными отношениями. Так, сохраняется обычай топить баню и мыть роженицу и ребенка после того, как они возвратятся домой из родильного дома. Родственники и сейчас, приходя навестить роженицу и ребенка, приносят кашу, пироги и другую снедь. Иногда уже по форме пирогов, которые они несут, можно определить, кто родился — мальчик или девочка, так как в первом случае пекут пироги прямоугольной формы, во втором — круглые. В некоторых местах сохраняется обычай дважды устраивать угощение для родственников в доме родителей новорожденного — сразу после рождения ребенка и по возвращении роженицы домой. Некоторые женщины после рождения ребенка делают подарки свекрови и другим родственникам мужа.

Изредка еще крестят новорожденных. Часто это делают спустя несколько месяцев, а то и спустя год-два после рождения ребенка (раньше детей крестили на 2-й — 3-й день после рождения), причем не только в церкви, но и дома. Здесь обряд совершают старушки, окуная ребенка в воду, в которую добавлена «святая» вода. Как исключение еще встречается обычай брать в крестные первого встречного, если предыдущие дети в семье рано умирали.

Новое явление, связанное с воспитанием детей, — обычай отмечать дни их рождения. Он появился в последние десятилетия и наиболее характерен для горожан, сельской интеллигенции и русско-мордовских национально-смешанных семей.

⁴⁶ «Очерки истории Мордовской АССР», т. II. Саранск, 1961, с. 219, 452.

В последние годы в Мордовской АССР, как и повсюду в нашей стране, оживилась работа по созданию новой гражданской обрядности. Возглавляет ее республиканский методический кабинет Министерства культуры Мордовской АССР. Сотрудники ЗАГСа столицы Мордовской АССР г. Саранска регулярно проводят торжественную регистрацию новорожденных⁴⁷. Однако новая обрядность, связанная с рождением и воспитанием детей, распространена еще недостаточно. Кое-где в сельской местности при регистрации ребенка ограничиваются лишь вручением родителю поздравления и напутственного письма новому гражданину нашей страны. О том, что не всегда и не везде церемония вручения свидетельства о рождении стала праздником, говорят и цифры. Так, из 7907 родившихся в Мордовии в 1-м полугодии 1971 г. маленьких граждан в торжественной обстановке был зарегистрирован лишь 2271 (28,7%)⁴⁸.

Родильные обряды, связанные с интимной стороной жизни семьи, а в прошлом еще и с религиозными представлениями, изменяются медленнее, чем социально-экономические отношения в мордовской деревне.

Отход в последние десятилетия от многих родильных обрядов, главным образом, связанных с магическими и религиозными представлениями, свидетельствует о больших культурных сдвигах в мордовском селе. Нужно отметить, что большую роль в сохранении традиционных семейных обрядов, в частности, родильных, играет прочность семейно-родственных отношений у мордвы. Об этом свидетельствует и однородность родильной обрядности у разных слоев сельского мордовского населения: колхозников, рабочих совхозов и небольших предприятий, живущих в селе, сельской интеллигенции. Исключение составляют те представители сельской интеллигенции, а иногда и других слоев сельского населения, которые не являются уроженцами данной местности и не имеют поблизости родственников. В таких семьях не соблюдаются многие родильные и другие семейные обряды.

Эти наблюдения подтверждаются и материалами Мордовской этносоциологической экспедиции 1973—1974 гг. Данные о родильных обрядах мордвы были отобраны и обработаны автором настоящей статьи. В Мордовском этнографическом вопроснике — два вопроса, связанные с обрядами по поводу рождения ребенка. Один из них выявлял степень знания последних, другой — мнение информаторов по поводу того, как следует отмечать рождение ребенка⁴⁹.

Собранные материалы позволяют проследить зависимость осведомленности о родильных обрядах и отношения к ним от ряда социально-демографических, этнических и других факторов. Прежде всего нужно отметить, что знание родильных обрядов и отношение к ним различны у жителей города и села.

Сельские жители знают родильные обряды лучше горожан. Так, в сельской местности 43,3% ответивших на этот вопрос имеют о них ясное представление; 7,2% очень хорошо знают их; 39,1% слабо знают родильные обряды и лишь 10,2% не знают обрядов по поводу рождения ребенка (не ответили на этот вопрос 0,2% опрошенных).

⁴⁷ См.: Т. П. Федянович. Обряды при наречении имени у мордвы, с. 45—46.

⁴⁸ Н. И. Чиняев. XXIV съезд КПСС и задачи по усилению атеистического воспитания трудящихся.— «Пропаганда, религия, атеизм», Саранск, 1972, с. 17.

⁴⁹ Ответы на вопрос о знании народных родильных обрядов ранжировались по четырехбалльной системе (не знает, слабо знает, имеет ясное представление, очень хорошо знает); ответы на вопрос о том, как следует отмечать рождение ребенка, предполагали следующие варианты: следует соблюдать современную гражданскую обрядность; нужно соблюдать церковный обряд с отдельными элементами народного мордовского родильного обряда или без них; следует сочетать современный гражданский и народный мордовский родильные обряды; желательно сочетать церковный и народный мордовский родильные обряды; предпочитают мордовские народные родильные обряды (бесцерковные); обряды вообще не нужны, следует соблюдать только обычные формальности (запись в ЗАГСе).

В городе ясное представление о родильных обрядах имеют 20,2% информаторов; очень хорошо знают их 3,4%; слабо знают обряды по поводу рождения ребенка 39,4%; не знают эти обряды 36,8% (не ответили на этот вопрос 0,8% горожан).

Ответы на вопрос об отношении к родильным обрядам свидетельствуют о значительной устойчивости народных родильных обрядов в сельской местности. Лишь 17,7% из ответивших на этот вопрос информаторов считают, что при рождении ребенка следует соблюдать современную гражданскую обрядность; по мнению 17,4%, обряды вообще не нужны.

Среди горожан прослеживается явная тенденция к соблюдению современной гражданской обрядности или к полному отказу от обрядов по поводу рождения ребенка.

Так, за современную гражданскую обрядность здесь высказалось 42,7% ответивших на этот вопрос; 24,1% считают, что обряды по поводу рождения ребенка вообще не нужны; 10,3% предпочитают сочетание современного и традиционного (народного) обрядов.

Материалы этно-социологической экспедиции свидетельствуют, что знание родильных обрядов и социально-классовая принадлежность слабо связаны между собой⁵⁰. Можно лишь отметить, что в группе служащих (как в городе, так и в селе) знание родильных обрядов несколько слабее, чем в других группах; в группе прочих, напротив, уровень знания таких обрядов более высок. Особенно характерно это для жителей села.

Предпочтение того или иного вида родильного обряда связано с социально-классовой принадлежностью гораздо сильнее. Так, в селе более половины ответивших рабочих и колхозников высказались за сочетание в той или иной мере церковного и народного родильных обрядов, которые для них олицетворяют народные традиции. Еще больше сторонников такого сочетания в группе «прочие». Служащие же отдают предпочтение современному гражданскому обряду (за него высказались 44%) или оформлению ребенка в ЗАГСе (31,4% опрошенных). В городе к такому оформлению рождения ребенка положительно относятся рабочие и служащие. Колхозники (их среди опрошенных горожан всего 27 чел.) считают более предпочтительными традиционные формы родильных обрядов.

Анализ материалов об уровне знания родильных обрядов в группах с различным образованием (неграмотные или малограмотные; 3—4 кл.; 5—6 кл.; 7—9 кл.; 10—11 кл.; техникум; высшее) показал взаимосвязь этих двух факторов. Очевидна закономерность: чем ниже образование, тем выше осведомленность о родильных обрядах. Эта общая закономерность не относится к группам с высшим и средним техническим образованием. Здесь знание родильных обрядов несколько выше, чем в группе с образованием 10—11 классов. Уровень образования оказывает влияние и на предпочтение того или иного вида родильных обрядов. Информаторы с более высоким уровнем образования отдают предпочтение современному гражданскому обряду, лица с низким образовательным уровнем — традиционному оформлению рождения ребенка.

Степень знания родильных обрядов находится в тесной связи с возрастом информаторов. Как среди горожан, так и среди сельских жителей обнаруживается следующая закономерность: чем старше возрастная группа, тем выше осведомленность о родильных обрядах. Так, в селе в возрастной группе 16—19 лет не знают родильных обрядов 50,7% отве-

---

⁵⁰ В Мордовском этнографическом вопроснике выделены следующие группы: рабочие, колхозники, служащие, прочие; в группу «прочие» вошли «лица более 10 лет занятые только в домашнем (личном) хозяйстве, служители культа, а также лица очень давно (более 20 лет) находящиеся на пенсии по инвалидности» и т. п.; см. «Инструкция по заполнению Мордовского этнографического вопросника». Саранск, 1973, с. 12—13.

тивших и только 11,7% имеют о них ясное представление. В группе «70 лет и старше» не знают эти обряды лишь 2,2% информаторов, имеют ясное представление о них—56,5%, очень хорошо знают—19,9% (в группе 16—19 лет нет ни одного такого информатора). Приблизительно такая же картина наблюдается и среди горожан.

Отношение к родильным обрядам зависит также от возраста. Чем старше возрастная группа, тем большее предпочтение отдается традиционным формам родильных обрядов. В младших возрастных группах более популярны современные гражданские родильные обряды. Многие информаторы из младших возрастных групп считают родильные обряды излишними; по их мнению, достаточно регистрации ребенка в ЗАГСе. Это характерно как для города, так и для села.

Таким образом, данные условных и безусловных распределений, полученные в результате обработки массовых статистических материалов Мордовской этносоциологической экспедиции 1973—1974 гг., свидетельствуют о том, что степень осведомленности о традиционных родильных обрядах и мера их устойчивости у мордвы в значительной степени зависят от культурного уровня информаторов и их возраста. Выводы, сделанные на основании статистических материалов, полностью подтверждают данными полевых исследований, литературы и архивных источников.

Родильные обряды за изучаемый период изменились более всех других семейных обрядов мордвы, так как бытование тех или иных форм их тесно связано с изменением социально-экономических и культурных условий жизни народа.